

Реформатор и русский немец. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Реформатор и русский немец. Иван Сергеевич Тургенев

Я сидел в так называемой чистой комнате постоялого двора на большой курской дороге и расспрашивал хозяина, толстого человека с волнистыми седыми волосами, глазами навывкате и отвислым животом, о числе охотников, посетивших в последнее время Телегинское болото, – как вдруг дверь растворилась и вошел в комнату проезжий, стройный и высокий господин в щегольском дорожном платье. Он снял шапку... «Евгений Александрыч! – вскричал я. – Какими судьбами?..» – «А***!» – воскликнул он в свою очередь. Мы пожали друг другу руки... «Как я рад, как я рад», – пролепетали мы оба, не без папраженья...

– Куда вас бог несет? – спросил я наконец.

– В Курск... Я наследство получил.

– Тетушка ваша скончалась? – проговорил я с кротким участием.

– Скончалась... – отвечал он с легким вздохом. – Хозяин! – прибавил он громким голосом. – Самовар – да поскорей! Да, – продолжал он, снова обращаясь ко мне. – Скончалась. Вот теперь еду наследство получать.

Вошел слуга Евгения Александрыча, рыжеватый молодой человек, одетый егерем.

– Hans! – промолвил мой знакомый. – Geben Sie mir eine Pfeife [1] .

Hans вышел.

– У вас камердинер из немцев? – спросил я.

– Нет... из чухонцев... – отвечал Евгений Александрыч с расстановкой. – Но по-немецки понимает.

– А по-русски говорит?

Евгений Александрыч помолчал немного...

– Да, говорит!

Hans вернулся, почтительно поднес чубук прямо к губам барина, положил на трубку четырехугольный клочок белой бумаги и приставил к бумажке свечку. Барин начал курить, принимаясь боком и кривя губами за янтарь, словно собака за ежа. Хозяин внес шипящий и кипящий самовар. Я сел подле Евгения Александровича и вступил с ним в разговор.

Я знал Евгения Александровича Ладыгина в Петербурге. Он был высокого роста, видный мужчина с светлыми большими глазами, орлиным носом, решительным выраженьем лица. Все его знакомые и многие незнакомые отзывались о нем как о человеке «практическом». Он изъяснялся не красноречиво, но сильно; выслушивая чужие речи, от нетерпенья стискивал челюсти и пускал игру по щеке, выступал с уверенностью, ходил по улицам стремительно, не шевеля ни руками, ни головой и быстро поводя кругом глазами. Глядя на него, вероятно, не один прохожий невольно воскликнул: «Фу ты, боже мой! Куда идет этот человек?» А Евгений Александрыч просто шел обедать. Вставая из-за стола, он, бывало, застегивал свой сюртук доверху с такой холодной и сосредоточенной решимостью... как будто сейчас отправлялся на поединок и уже завещанье подписал. И между тем – хвастовства в нем и признака не замечалось; человек он был упрямый, настойчивый и односторонний, но не глупый и не злой, всем прямо глядел в глаза, любил справедливость – правда, поколотить притеснителя ему было бы гораздо приятнее, чем избавить притесненного, – но о вкусах спорить нельзя. Служил он в полку года четыре, а остальное время своей жизни страшно был занят – чем? – спросите вы... да ничем, разными пустяками, за которые принимался всегда с лихорадочною деятельностью и систематическим упорством. Это был тип русского педанта, заметьте, русского, не малоросского... Между тем и другим разница страшная, на которую тем более следует обратить внимание, что со времени Гоголя часто смешивают эти две родные, но противоположные народности.

– И надолго едете вы в деревню? – спросил я Ладыгина.

– Не знаю – может быть, надолго, – отвечал он мне с сосредоточенной энергией, равнодушно глянув в сторону, как человек сильного характера, который принял непреклонное решение, но, впрочем, готов в нем дать отчет.

– У вас наверно множество планов в голове? – заметил я.

– Планов? Смотря по тому, что вы называете планами. Вы не думаете ли, – прибавил он с усмешкой, – что я принадлежу к числу молодых помещиков, которые, с трудом различая овес от гречихи, бредят английскими веялками, молотильными машинами, плодопеременным хозяйством, свеклосахарными заводами и кирпичными избами с садиками на улице? Могу вас уверить: с этими господами у меня нет ничего общего. Я человек практический. Но у меня точно множество мыслей в голове... Не знаю, удастся ли мне исполнить все мои намеренья, – прибавил он с гордой скромностью, – во всяком случае попытаюсь.

– Вот видите ли, – продолжал он, с достоинством передавая чубук из правой руки в левую и благородно пустив дым сквозь усы, – пора нам, помещикам, за ум взяться. Пора вникнуть в быт наших крестьян и, поняв однажды их потребности, с твердостью повести их по новой дороге к избранной цели... – Он почтительно помолчал перед собственной фразой. – Вот вам моя основная мысль, – заговорил он снова. – Должна же быть у России вообще, а следовательно, и у русского крестьянского быта своя, самобытная, своеобразная, так сказать, будущность. Не правда ли? Должна? – В таком случае старайтесь угадать ее и так уж и действуйте в ее духе. Задача трудная, но даром нам ничего не дается. Я с охотой возьмусь за это дело... я свободен и сознаю в себе некоторую твердость характера. У меня нет никакой наперед принятой системы: я не славянофил и не поклонник Запада... Я, опять-таки скажу, я человек практический – и умею... умею заставлять!

– Всё это очень хорошо, – возразил я, – вы, если смею так выразиться, – вы хотите быть маленьким Петром Великим вашей деревни.

– Вы смеетесь надо мной, – с живостью подхватил Евгений Александрыч. – Впрочем, – прибавил он, помолчав немного, – в том, что вы сказали, есть доля истины.

– Желаю вам всевозможных успехов, – заметил я.

– Спасибо за желанье...

Слуга Евгения Александровича вошел в комнату.

– Sind die Pferde angespannt, Hans? [2] – спросил мой знакомый.

– Ja... Sie sind... [3] готовы-с, – отвечал Hans.

Евгений Александрович поспешно допил чай, встал и надел шинель.

– Я не смею вас звать к себе, – промолвил он, – до моей деревни более ста верст... однако ж, если вздумается...

Я поблагодарил его... Мы простились. Он уехал.

В течение целого года я ничего не слышал об моем петербургском приятеле. Раз только, помнится, на обеде у предводителя один красноречивый помещик, отставной бренд-майор Шептунович, между двумя глотками мадеры упомянул при мне об Евгенье Александровиче как о дворянине мечтательном и увлеченных свойств. Большая часть гостей немедленно согласилась с бренд-майором, а один из них, толстый человек с лиловым лицом и необыкновенно широкими зубами, смутно напоминавший какую-то здоровую корнеплодную овощь, прибавил тут же от себя, что у него, Ладыгина, тут (указав на лоб) что-то не совсем того – и с сожаленьем покачал своей замечательной головой. Кроме этого случая, никто даже не произнес при мне имени Евгенья Александрыча. Но как-то раз, осенью, случилось мне, переезжая с болота на болото, далеко отбиться от дому... Страшная гроза застала меня на дороге. К счастью, невдалеке виднелось село. С трудом добрались мы до околицы. Кучер повернул к воротам крайней избы, кликнул хозяина... Хозяин, рослый мужик лет

Реформатор и русский немец. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
сорока, впустил нас. Изба его не отличалась опрятностью, но в ней было тепло и не дымно. В сенях баба с остервененьем крошила капусту.

Я уселся на лавке, спросил горшок молока, хлеба. Баба отправилась за молоком.

– Чьи вы? – спросил я мужика.

– Ладыгина, Евгения Александрыча.

– Ладыгина? Да разве здесь уже Курская пошла губернья?

– Курская, как же. От самого Худышкина Курская пошла.

Баба вошла с горшком, достала деревянную ложку, новую, с сильным запахом деревянного масла, проговорила: «Кушай, батюшка ты мой, на здоровье», – и вышла, стуча лаптями. Мужик хотел было отправиться вслед за ней, но я его остановил. Мы понемногу разговорились. Мужики большей частью не слишком охотно беседуют с господами, особенно, когда у них неладно; но я заметил, что иные крестьяне, когда им больно плохо приходится, необыкновенно спокойно и холодно высказывают всякому проезжему «барину» всё, что у них на сердце, словно речь идет о другом, – только плечом изредка поводят или потупятся вдруг... Я со второго слова моего хозяина догадался, что мужичкам Евгенья Александровича житье плохое...

– Так недовольны вы вашим баринном? – спросил я.

– Недовольны, – решительно отвечал мужик.

– Что ж – он притесняет вас, что ли?

– Замотал вовсе, заездил как есть.

– Как же так?

– Да вот как. Господь его знает, что за барин такой! Такого барина и старики не запомнят. И ведь не то, чтобы разорял крестьян; с оброчных даже оброку сбавил. А плохо приходится вот как, не приведи бог. Приехал он к нам прошлой осенью, под самый Спас, ночью приехал. На другое утро – где, солнышко еще только что выглянуло, а уж он вскочил, оделся духом да и побежал по дворам. Ведь он такой у нас проворный; прыток больно; словно лихорадка его колотит. Вот и пошел он по дворам. «Хозяина, – говорит, – сюда со всей семьей!» А сам по самой середине избы стоит, не шевельнется и книжечку в руках держит, так и озирается, словно ястреб. Глаза-то у него такие славные, светлые. Вот и спрашивает у хозяина: «Как тебя зовут? Сколько тебе лет?» Ну, мужик, разумеется, отвечает, а он записывает. «А жену зовут как? Детей? Сколько лошадей? овец? свиней? поросят? кур, гусей? Телег? А плугов, борон? овса собрано? ржи? муки? – Квасу мне подай отведать! Хомуты мне покажи! А сапоги есть? Горшков сколько? мисок? ложек? Тулупов сколько, рубашек?» Ей-богу, и про рубашки спрашивал! И всё записывает, словно на допросе. – Чем, говорит, ты промышляешь? В город ездить? Часто? А именно, сколько раз в месяц? А вино любишь пить? Жену бьешь? Детей бьешь тоже? К чему тебе сердце лежит?.. Да, ей-богу же, спрашивал, – прибавил мужик, в ответ на мою невольную улыбку... – И все дворы обошел как есть. Тита старосту совсем истомил, даже в ноги ему Тит повалился – говорит: «Батюшка, пощади, – уж коли чем перед тобою виноват, лучше высечь прикажи». На другой день опять до зари поднялся и всех как есть крестьян на сходку собрать приказал. Вот мы и пришли. К нему на двор. Он вышел к нам на крыльцо, поздоровался и начал говорить. Уж говорил он, говорил, говорил. Что за диво – не возьмем мы его в толк, а кажется, по-русски говорит. Всё, говорит, у вас не так, неладно, я, мол, говорит, вас иначе поведу, впрочем, я не хочу вас принуждать – а вы, говорит, у меня... А тяглости все сполнять должны; как будете сполнять, хорошо; а не будете сполнять – я ни на что не погляжу. А что сполнять – бог его знает.

Ну, говорит, вы теперь поняли меня. Ступайте по дворам. А дело у меня с завтрашнего дня начнется. Вот мы и пошли. Пошли мы... Дошли до села. Поглядели друг на друга, поглядели друг на друга – да побрели по дворам.

Примечания

Источники текста

ЧА1 – «Русский немец». Черновой автограф на листе почтовой бумаги с датой начатого письма: «Берлин, 13-го / 1-го апреля 1847 г.» Хранится в отделе рукописей *Vib1 Nat, Slave 86*; описание см.: *Mazon, p. 54*; фотокопия – ИРЛИ, Р. 1, оп. 29, № 230.

ЧА2 – «17. Реформатор и русский немец». Черновой автограф, на двух сторонах листа большого формата (368 x 234). Хранится в отделе рукописей *Vib1 Nat, Slave 86*; описание см.: *Mazon, p. 54*; фотокопия – ИРЛИ, Р. I, оп. 29, № 230.

БА – «XVII. Реформатор и русский немец». Беловой автограф от начала рассказа до слов: «Приехал он к нам ~ Спас» – на трех листках (пяти страницах) почтовой бумаги. Хранится в отделе рукописей *Vib1 Nat, Slave, 86*; фотокопия – ИРЛИ, Р. I, оп. 29, № 230.

Впервые опубликовано А. Мазоном: Лит Насл, т. 73, кн. I, с. 26–33, с репродукциями на с. 31 и 37.

В собрание сочинений впервые включено в издании: Т, ПСС и П, Сочинения, т. XIII, с. 307–314.

Печатается: «Реформатор и русский немец» – по БА (до слов: «Приехал он к нам», с. 367) и по ЧА2 (далее до конца); «Русский немец» – по ЧА1.

Оба очерка представляют собой две редакции одного, не законченного Тургеневым рассказа, предназначавшегося для «Записок охотника». Замысел его возник из двух очерков – «Русский немец» (первоначальное заглавие – «Помещик из немцев») и «Реформатор». Название первого очерка впервые встречается в Программе I (наст. том, с. 374), датируемой апрелем – началом мая 1847 г. К этому же времени относится и сохранившийся черновой набросок очерка, о чем свидетельствует дата начатого» на том же листке письма: «13-го / 1-го апреля 1847 г.» Работа над очерком продолжалась, по-видимому, до ноября–декабря 1847 г., что подтверждается датировкой рассказа «Смерть» (см. наст. том, с. 485): при работе над ним Тургенев использовал лист с незаконченным и отброшенным «Русским немцем». Здесь же, непосредственно за последней фразой, следуют рисунки, перечень журналов, не относящаяся к тексту немецкая фраза. Все это свидетельствует о прекращении работы над очерком.

Второй замысел – «Реформатор» – возник одновременно с «Русским немцем». В Программе I он фигурирует, возможно, под заглавием «Помещик Иван Бессонный». Однако, кроме дальнейшего упоминания в Программах V, VI, VIII (наст. том, с. 377–381), никаких реальных свидетельств о том, что Тургенев вообще работал над очерком «Реформатор», нет. С конца 1847 до начала 1848 г. он, по-видимому, не возвращался к замыслам, хотя оба они были названы в объявлении о подписке на «Современник» на 1848 год (см.: *Моск Вед, 1847, № 154, 25 декабря*). Только в мае–июне 1848 г. Тургенев приступил к работе над рассказом «Русский немец и реформатор», объединившим в себе оба замысла (Программа IX – наст. том, с. 381). В ЧА2 и в БА рассказ был назван «Реформатор и русский немец» и обещан читателям «Современника» на 1849 год (см.: *Совр, 1848, № 9–10, с.1–10 особой пагинации*). Однако рассказ к сроку закончен не был, а ко времени отъезда Тургенева из Парижа в Россию в июне 1850 г. работа над ним окончательно прекратилась.

Позднее, объясняя П. В. Анненкову причину прекращения работы. Тургенев писал в письме к нему от 25 октября (6 ноября) 1872 г.: «Отрывков из „Записок охотника“ напечатано 22; всех их было приготовлено 26. Из ненапечатанных 4-х два были начаты: „Русский немец и реформатор“ и „Землеед“ <...>. Первые два оставлены, потому что я знал, что никакая тогдашняя цензура их бы не пропустила». К оставленному замыслу Тургенев вернулся незадолго до этого письма, намереваясь закончить его «до зимы», как писал он 13 (25) августа 1872 г. издателю газеты «Неделя» Е. И. Рагозину, которому и был обещан рассказ (объявление о предстоящей публикации «повести» Тургенева см.: *Неделя, 1872, № 31–32, 15 ноября*). Но это обещание осталось невыполненным: набело было переписано лишь начало рассказа, существовавшее почти в таком же виде уже в 1848 году.

По сохранившимся фрагментам трудно судить о том, что представлял собою очерк «Реформатор» и какова могла быть форма использования очерка «Русский немец» в предполагавшемся контаминированном произведении. О проблематике «Реформатора» и причинах, побудивших Тургенева объединить его с рассказом «Русский немец», дает некоторое представление запись Н. А. Островской одной из ее бесед с писателем. «Зашел как-то разговор об одном господине, давно умершем (Зиновьеве), – пишет мемуаристка и далее передает рассказ Тургенева. – Он был человек не злой и порядочный, ... только невыносимый: у него, бывало, всё – государственное дело, вечно он был озабочен. Я его об одном просил: „Сделайте милость, З., не застегивайте при мне сюртука!“ Так он важно пуговицы застегивал, что на нервы действовало. Я пробовал его изобразить в повести, которая должна была войти в состав „Записок охотника“. Представлено было два помещика. Один З., в своей деревне всё распоряжался, всё порядок водворял – мужиков обстроил по своему плану, заставлял их пить, есть, делать по своей программе; ночью вставал, обходил избы, будил народ, всё наблюдал. Другой был немец рассудительный, аккуратный, но – у обоих мужикам было плохо. Только З. вышел у меня до того поразительно похож на Николая Павловича, что нечего было и думать печатать, цензура ни за что бы не пропустила» (Т сб (Пиксанов), с. 83–84). Вероятно, именно так повесть и была задумана. И хотя между фрагментом рассказа «Русский немец и реформатор» и наброском «Русский немец» не обнаруживается никаких связей, тем не менее можно с достаточной определенностью судить о составных частях объединенного замысла: оба помещика, нигде не фигурирующие во взаимном сопоставлении, достаточно ярко обрисованы каждый в отдельности и, несомненно, именно они должны были быть представлены в «повести». Рассудительный и аккуратный немец – это Леберехт Фохтлендер, герой очерка «Русский немец», а помещик, который «в своей деревне всё распоряжался, всё порядок водворял», узнается в Е. А. Ладыгине, герое фрагмента «Реформатор и русский немец» [4]. В этом фрагменте Ладыгину уделено основное внимание. Образ Ладыгина входит в галерею тех помещиков, мнимых знатоков и реформаторов народной жизни, которых Тургенев изобразил в других рассказах цикла (таковы, например, Александр Владимирович Королев и Василий Николаевич Любозвонов из рассказа «Однодворец Овсяников», петербургский чиновник из рассказа «Два помещика»).

Условные сокращения

Архивохранилища

Vib1 Nat – Национальная библиотека (Париж).

Печатные источники Богдановы – Богдановы Л. Я., Б. В. Родной край в произведениях И. С. Тургенева. Орел, 1959. (Государственный музей И. С. Тургенева).

ЗО 1852 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. М., 1852. Ч. I–II.

ЗО 1859 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. 2-е изд. СПб., 1859, ч. I–II.

ЗО 1860 – Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского, 1860. Т. I.

ЗО 1865 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865, т. I.

ЗО 1869 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1869. Ч. I.

ЗО 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1874). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. I.

ЗО 1880 – И. С. Тургенев. Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847–1876. 1-е стереот. изд. СПб., 1880.

Клеман, Программы – Клеман М. К. Программы «Записок охотника». – Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, т. 76, серия филол. наук, вып. 11, с. 88 – 126.

Реформатор и русский немец. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1917. Вып. II, ч. 1; М., 1929, Вып. II, ч. 2.

Львов–Прач – Собрание народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб., 1806.

Оксман, Сб, 1959 – Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959.

Орл сб, 1955 – «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сборник статей и материалов. Орел, 1955. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Орл сб, 1960 – И. С. Тургенев (1818–1883 – 1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рында – Рында И. Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903.

Сев Обзор – «Северное обозрение» (журнал). Соболевский – Великорусские народные песни. СПб., 1896, т. II; СПб., 1897, т. III.

Т сб (Кони) – Тургеневский сборник Под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Коопер. изд-во литераторов и ученых. 1921. (Тургеневское общество).

Т, СС, 1975 – Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М.: Художественная литература, 1975 (падение продолжается).

Delaveau – Récits d'un chasseur par Ivan Tourguenef. Traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris, 1858.

Сноски

1

Ганс! <...> дайте мне трубку (нем.).

2

Запряжены ли лошади, Ганс? (Нем.)

3

Да... они... (нем.).

4

Подробнее о творческой истории и проблематике рассказа см.: Оксман Ю. Г. «Русский немец и реформатор» (недописанный рассказ из цикла «Записки охотника»). – Лит Насл, т. 73, кн. I, с. 34–38; Орнатская Т. И. «Реформатор и русский немец». Неосуществленный замысел. – Т сб, вып. 4, с. 97–103.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!